Анна Пожарская

16+

Ключи от счастья

Анна Пожарская

Ключи от счастья

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пожарская А.

Ключи от счастья / А. Пожарская — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-99910-7

Быть сестрой правителя - значит быть вещью, разменной монетой в делах государства. Да и как иначе, если брат проигрывает войну, а происхождение предписывает забыть о себе и, выбирая мужа, следовать долгу, а не сердцу. Кровь велит сохранять спокойствие и выполнять условия договора с врагом, не желая объяснять, что делать, если мысли занимает вовсе не жених, а вояка-шалопай: ненадежный, невыгодный, но желанный. От себя, однако, не убежишь, родовой чести придется пойти на уступки глупому сердцу.Обложка создана Ириной Косулиной с использованием изображений с сайта depositphotos.

ISBN 978-5-532-99910-7

© Пожарская А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Пролог 5
Глава первая 7
Глава вторая 13
Глава третья 18
Глава четвертая 23
Глава пятая 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Анна Пожарская
Ключи от счастья

Пролог

Солнечный луч отразился от широкого лезвия ритуального ножа, и по каменной стене загнанным зверем забегал солнечный зайчик. Дернулся, подпрыгнул пару раз и застыл в ожидании своей участи.

Ила тяжело вздохнула. Повертев оружие в худеньких руках, спрятала его за пояс. Посмотрела на брата. Лари невесомо похлопал ее по плечу.

– Не забудь, после того, как закончишь с поросенком, положи клинок ближе ко мне. Я успею схватить его, если Двадцать решат взбунтоваться.

Ила кивнула и прошептала одними губами.

– Мне страшно, Лари…

– Если что – беги. Пять минут я тебе обещаю.

– Вот еще, – обиженно фыркнула девочка. – Хоть одну свинью я возьму на себя.

Брат и сестра посмотрели друг на друга, внимательно и осторожно, будто стараясь запомнить покойника перед погребением. Лари тряхнул головой, прогоняя морок – пару часов назад сестра точно так же смотрела на прощальный костер, алчно пожирающий тело отца. Конунг Краны умер от неизвестного яда вчера на закате, и сейчас его сыну Илларию, а попросту Лари, предстояло пройти Посвящение. Предстояло получить меч, символизирующий преданность двадцати самых родовитых кланов Краны из рук председателя совета этих самых кланов.

Вот только чью сторону примут Двадцать? Поддержат юного, но законного правителя или решат уйти под крыло врага? Во втором случае участь и Лари, и Илы была незавидна: живыми они будут только мешать новой власти.

Ила закрыла глаза и глубоко вздохнула: отступать не позволяла родовая честь, а идти вперед – предательское малодушие. Нащупала нож на поясе и сжала рукоять.

– Помоги, о Просан-покровитель, мы не останемся в долгу.

– Пошли, – приказал Лари.

Дети отправились в зал церемоний. Помедлили у входа. Тело отца – главы клана Рассвирепевшего Вепря – предали огню в полдень, и сейчас ни брат, ни сестра не знали, какой прием приготовили им те главы семей, что ожидали в зале. Покорные отцу, захотят ли Двадцать подчиниться им? Или проще будет принести присягу Скавару, королю соседней страны – Тору? Нет никаких сомнений: смерть конунга – дело рук его шпионов. На мгновение Ила и Лари почувствовали себя лишь детьми, обыкновенными детьми, рано оставшимися без родителей.

– Побеждай или умри! – прошептала Ила.

– Побеждай или умри! – ответил брат.

Они вошли в зал с подобающей случаю размеренностью. Лари занял отведенное ему место в кресле на небольшом возвышении в западной части зала. Ила, как и положено старшей женщине клана, направилась к месту жертвоприношений, где должна была зарезать поросенка. Тот, однако, был уже мертв. Утопая в луже собственной крови, он мирно покоился на специальном блюде. Девочка прищурила глаза и жадно втянула воздух. Кто-то принес жертву вместо нее! Увели из-под носа удачу… Стараясь сохранять хладнокровие, Ила окунула нож в скопившуюся кровь, положила его на пол и заняла место по правую руку от брата.

Согласно обычаю, в знак признания власти представитель Двадцати должен был вручить Лари церемониальный меч. Ила внимательно оглядела присутствующих: в самом центре зала с мечом в руках стоял наследник клана Огненной лисы, но он даже не смотрел в их сторону. Он

переминался с ноги на ногу и буравил взглядом главу клана Седого орла. Ила ожидала чего-то подобного от огненнолисых, но чем они с Лари не угодили орлам? С этим кланом у отца всегда были великолепные отношения. В зале повисла невыносимая тишина. Ила покосилась на Лари. Хвала Владыке! Брат сохранял самообладание.

Затянувшееся ожидание уже начинало тяготить, когда в их сторону направился юноша, наследник клана Злого медведя. Ила никогда его не любила. Заносчив, груб, самодоволен. Он был года на три старше, вряд ли ему больше семнадцати, но то, как внушительно он выглядел, не оставляло им с Лари ни малейшей надежды. В тишине каждый его шаг отдавался глухим ударом. Ила затаила дыхание и, не желая продавать свою жизнь за бесценок, стала прикидывать, как взять с Двадцати достойную плату. Юноша, тем не менее, не спешил атаковать. Он обогнул кресло и занял место по левую руку от Лари. Затем к ним направились еще двое, если память не изменяла Иле, наследники купцов из прибрежных областей, и, прежде чем девочка поняла, что происходит, те расположились по обе стороны от них с братом. Безмолвие зала нарушилось невнятным шепотом, уши уловили что-то вроде: «Лучше свои, чем под Тору», и вскоре к ним присоединились еще четверо. До Илы постепенно стал доходить смысл происходящего – главы кланов сообщали остальным, какой они сделали выбор. Интересно, что помешало договориться до Посвящения? Как бы то ни было, семь против тринадцати. Как знать, может, сегодня за их с Лари жизни дадут хорошую цену.

Шепот утих. Повисшую тишину хотелось потрогать рукой, смять в ладонях и разорвать на тысячу кусочков. Ила выжидающе уставилась на присутствующих, мысли в сумасшедшем танце проносились в голове. Кто еще остался? Все бывали у отца, все клялись ему в верности, а что теперь? С чего решили, что Скавар будет лучшим правителем, чем Илларий?

В их с Лари сторону направились еще трое. Этих Ила отлично знала, удивительно было, что они зашевелились только сейчас. Девочка горько усмехнулась: «Вот и первый урок: не всякий, кто любезен с тобой – друг, не всякий грубиян – враг, дела красноречивее слов». Тем не менее, десять на десять. Неплохо.

Глава клана Черной лисы выверенным движением забрал церемониальный меч у наследника огненнолисых и подошел ближе. Как и полагалось, он припал на одно колено и протянул Лари оружие.

– Побеждай или умри! – вполголоса произнес он девиз клана Рассвирепевшего вепря.

– Побеждай или умри! – громко подхватили остальные.

Лари принял меч. Иле показалось, что она вот-вот упадет в обморок. Брат, поднявшись с кресла, бережно взял ее под локоть. Церемония закончилась, они могли спокойно удалиться. Удалиться, чтобы как следует отдохнуть и успокоиться. Сегодня они обошли Скавара. Надолго ли?

Глава первая

Единственный сын Хозяев Еруды, виленвиец Ладин, терпеть не мог ждать. Одно дело – сидеть в засаде или выкуривать врага из крепости, и совсем другое – мариноваться, пока на тебя выкроят время. Но делать нечего, ждать придется.

Откинув капюшон богато расшитого плаща, он выпустил на волю угольного цвета косичку и посмотрел вокруг. В библиотеке, куда его любезно проводил слуга, помимо бессчетного количества стеллажей с книгами, стояло необъятных размеров кресло. Мужчина подвинул его в угол ближе к окну так, чтобы без труда видеть вход, и сел. Вряд ли кто-то придет сюда по его душу, но расслабляться не стоило. Ветерок из открытого окна обдувал левое плечо, кресло пахло кожей и фиалками. Сын Хозяев Еруды хмыкнул. Мысль о том, что обладатель кресла любит эти нескладные цветы, забавляла. В голубых глазах Ладина сверкнул ледяной огонек, тонкие губы сложились в надменную улыбку. Вокруг глаз и в уголках рта разбежались нитками морщинки, и даже шрам, воинственно рассекающий левую бровь, лукаво изогнулся. Виленвиец сам себе не верил, он – человек, добывший своему народу свободу от Тору – ищет союза с любителем этого цветочного недоразумения? Прав отец – до больших дел ему еще расти и расти.

Ладин кинул взгляд на висевшую около двери карту и самодовольно улыбнулся. Видно, его тут ждали. Раскрашенная желтым от Серого моря до реки Талы раскинулась Крана. С севера от нее через Нару разлегся Ларок, с которым Крана воюет уже много лет. С северо-востока располагалась Тору. А рядом с Тору вплотную к Кране и Далкондии темным карандашом обвели границу родной Ладину Виленвии. Сын Хозяев Еруды усмехнулся. Виленвия перестала быть частью Тору не так давно, и карты еще не успели переделать, но к его визиту подготовились. Такой знак внимания дорогого стоил.

Дверь распахнулась, и в библиотеку вошел владелец кресла. Несколько мгновений они разглядывали друг друга. Перед гостем предстал воин – молодой мужчина из тех, кто берет не только напором силы и выносливости, но и звериной ловкостью. Невысокого роста, приземистый и крепкий, он уставился на Ладина шершавым взглядом еловых глаз. Каждым своим жестом, каждым вздохом давал понять, кто здесь хозяин. Впрочем, ошибиться было сложно: на его правой руке красовалось изображение вепря, знака конунгов Краны. Рисунок татуировки начинался от кончиков пальцев и терялся где-то под рукавом рубахи, недалеко от локтевого сгиба. В оправе пестрого замысловатого орнамента грозно смотрел на мир ощетинившийся зверь. На внешней стороне руки, ближе к запястью, отлично читалась надпись кровавого цвета: «Побеждай или умри».

Ладин встал с кресла, чтобы поприветствовать конунга Краны.

– Доброго здравия, Илларий, – произнес он на кранском.

– Рад знакомству, Ладин, – ответил мужчина на виленвийском, посмотрел на гостя снизу вверх – тот был на полголовы выше – и изобразил нечто похожее на улыбку. – Как поживает Град Двенадцати Богов?

– В Еруде все хорошо, – виленвиец с облегчением перешел на родной язык. – Отец велел засвидетельствовать вам свое почтение.

Илларий кивнул. Потер рукой подбородок и снова прошил Ладина взглядом.

– Окажите честь, отобедайте со мной.

– С удовольствием.

Илларий выглянул из библиотеки и что-то сказал на своем языке. Слуги принесли еще одно кресло и накрыли стол. Сын Хозяев Еруды снял плащ и снова уселся в фиалковое кресло. Наблюдая за тем, как хозяин наполняет бокалы вином до самых краев и как легко напиток переливается из бокала в бокал при традиционном соприкосновении, Ладин подумал, что если

бы торейские шпионы отравили именно эту бутылку, они бы одним махом убили двух зайцев. Он поспешно отогнал эти мысли, Илларий наверняка позаботился о том, чтобы в вине не было яда. После первого тоста конунг Краны снова потер рукой подбородок, поставил свой бокал на стол и заговорил.

– У меня к вам предложение… Не хотите поучаствовать в войне в качестве наемного военачальника? Я знаю, вы это уже делали как-то. Я хорошо заплачу.

Ладин сделал глоток вина. Потом еще один. Вино было терпким, с легким фруктовым послевкусием. Виленвиец аккуратно уложил вилку зубцами вниз на обод тарелки, так чтобы у прибора не было шанса соскользнуть со стола, и пристально посмотрел на хозяина.

– Я не нуждаюсь в деньгах.

Конунг Краны поджал губы и потянулся за бутылкой. Он обновил вино гостю и налил себе до краев. Запахло вишней. Илларий пригубил и ухмыльнулся.

– Вы бы оказали мне услугу. Много лет мы время от времени воюем с Лароком, алмазные копи у приграничной реки Талы не дают им покоя. Я давно к ним привык и не жду ничего необычного. Но недавно к Лароку присоединилась Тору, и я с непривычки оказался немного нерасторопен. Скавар – опытный полководец, с ним никогда не было легко. Вы воевали с Тору почти десять лет и одержали победу. Уверен, вы знаете Скавара, как облупленного. Ваш опыт пришелся бы кстати.

– Знаете, почему я здесь? – Ладин посмотрел собеседнику в глаза. – Не только потому, что Виленвия нуждается в союзе с Краной. Моя семья перед вами в неоплатном долгу: не предупреди вы нас тогда о нападении, возможно, отца не было бы в живых. Если нужна помощь, я готов помочь. И не возьму денег. Мне бы только не хотелось вмешивать Виленвию. Я готов участвовать в этой войне, но не как наследник хозяев Еруды, а как, скажем, Ладин Латер – ничем не примечательный наемник. Вас это устроит?

– Вполне, – Илларий заметно оживился. – Останьтесь тут, на границе, пару дней, отдохните. Завтра к вечеру прибудет человек, который сопроводит вас до расположения войск перед границей, введет в курс дела, поможет освоиться в наших непростых порядках. Я выбрал того, кто говорит на виленвийском, трудностей с языком не будет. Оставлю за вами ближайшую к Тору часть. Местному командующему велено вам подчиняться. В борьбе с торейцами вам нет равных, но он дельный и опытный офицер. Разумеется, ваши спутники могут последовать за вами.

Виленвиец покачал головой.

– Всех брать с собой нет необходимости. Одного будет достаточно.

Конунг Краны кивнул и принялся за кусок баранины, ожидающий своей участи на тарелке. Сын Хозяев Еруды смотрел, как Илларий ловко орудует приборами, и никак не мог отделаться от мысли о вепрях, которые, согласно легенде, много лет держали в страхе весь Мраморный лес близ Града Двенадцати Богов. Они только с виду были простодушны и добры, на деле же от них можно было ожидать чего угодно. Притворяясь ранеными, маленькие хорошенькие кабанчики похищали людей и отдавали на съедение своему королю. Все бы ничего, но стоило начать им сопротивляться, как они превращались в настоящих монстров и разрывали добычу на месте. Сказания гласили, что жители Еруды пожаловались своим богам, и все двенадцать откликнулись на их зов. Выбрали двоих: покровителя торговли, как самого хитрого, и богиню юности, как самую хорошенькую. Она была настолько нежна и мила, что ни у кого из лесных жителей не возникло никаких подозрений, а на ее ручного хорька и вовсе не обратили внимания. Конечно, она попала к королю вепрей, жуткому оборотню, конечно, он возжелал ее. Пока, ослепленный страстью, он боролся с богиней за ее тело, хорек превратился в покровителя торговли и размозжил вепрю башку своим топором.

На закате трапеза подошла к концу. Илларий любезно проводил гостя и его людей до выделенных им комнат и отбыл по делам. Не желая спать, Ладин решил побродить по обита-

лищу. Дом был большой, добротный, с множеством окон, комнат и путаных переходов. Виленвиец шагал по коридорам и беззастенчиво заглядывал в каждую незапертую дверь. Комнаты пустовали: если не считать трех слуг и спутников Ладина, здесь никого не было. Безликие интерьеры вскоре надоели, и гость вернулся к себе. Написал письмо отцу, разобрал вещи. Все документы, включая подписанный мирный договор с Краной, упаковал в большую торбу. Завтра утром она отбудет в Еруду. Он снял с безымянного пальца правой руки перстень с огромным голубым бриллиантом, с указательного – печатку с гербом Хозяев Еруды, и, завернув их в носовой платок, затолкал в торбу к остальным вещам. Последний предмет, способный выдать его, так и остался висеть на шее. Чтобы увидеть цепочку с ключиком-подвеской, Ладина надо было хотя бы раздеть, а этого еще ни одному врагу не удавалось. Да и мало ли подобных украшений? Эту побрякушку узнают только родители, и нужна она будет в том случае, о котором сын Хозяев Еруды старался не думать всю свою военную карьеру. Он хорошенько завязал посылку и с чувством выполненного долга улегся в постель.

Сон не шел. Слова Иллария вереницей кружили в голове и грели душу. Еще пару лет назад Виленвию не рассматривали иначе, чем часть Тору, а сейчас торейская торговая вотчина обрела, наконец, свое лицо. Наследники Хозяина Града Двенадцати богов избавлены от необходимости приносить клятву верности Скавару, осталось лишь демаркировать границу, обновить торговые связи и забыть о восьмидесяти годах неволи, как о страшном сне.

***

Обещанный проводник прибыл через день на рассвете. Он ожидал гостя в библиотеке. Высокий – с Ладина ростом, почти лысый – с идеальной формой черепа, вновь прибывший все время то ли ухмылялся, то ли улыбался, но взгляд его оставался безучастным. На его правой руке пылала вытатуированная лисица с добычей в зубах. Надпись у запястья гласила: «Не волей, так хитростью». Виленвиец долго и бесцеремонно рассматривал рисунок. Новый знакомый, в конце концов, скрестил руки на груди и заговорил на виленвийском:

– Прошу прощения за опоздание, – его губы изогнулись в попытке изобразить нечто вроде сожаления. – Поверьте, только очень важные дела могли заставить меня задержаться. Я Солак, сын клана Огненной лисы. Буду вашим проводником здесь, в Кране.

Ладин махнул рукой.

– Ничего страшного. Ожидание еще не успело утомить. Когда мы отправимся?

– Хоть сейчас, – огненнолисый погладил ладонью бритую голову. – Я должен забрать кое-что в библиотеке, а сразу после – к вашим услугам.

– Прежде я бы хотел посмотреть карту, – лицо гостя стало серьезным, – так я быстрее освоюсь на местности.

Солак кивнул. Достал из походной сумки требуемое и разложил на столе.

– Господин приказал посвятить вас во все детали. Он говорит, вы – наш ключ к победе.

Ладин усмехнулся и склонился над картой. Итак, на северо-западе граница между Краной и Лароком проходила по реке Наре. Ближе к Тору на северо-востоке, Нара заходила в Крану, и граница шла по Нарейским холмам. Те же холмы отделяли Крану от Виленвии на востоке. Судя по нанесенным на карту знакам, основные войска Ларока располагались на берегу реки, и им, вероятно, приходилось форсировать ее, чтобы попасть в Крану. А вот с торейской стороны граница была сухопутной, и здесь войска располагались так, чтобы не дать врагу спуститься с холмов незаметно.

– Что это? – Ладин ткнул пальцем в значки лагеря, помеченные красным.

Солак улыбнулся:

– Это место дислокации вверенных вам людей.

Сын Хозяев Еруды кивнул, потер рукой подбородок и указал на синий треугольник, на реке неподалеку от границы.

– Большой город?

– Анак, – огненнолисый улыбнулся, – наша столица.

Ладин покачал головой, не дело держать столицу так близко от границы, но ничего не сказал. Припомнил, что при деде Иллария Тору оттяпала значительный кусок Краны, а до этого столица располагалась в глубине страны. По карте вопросов не было, оставалось проверить, насколько изображение на бумаге соответствует действительности.

– Осмотритесь по пути. На вашей совести западная часть торейского фронта, восточной будет командовать другой человек, – Солак наморщил лоб. – Убрать бы с дороги торейцев, а с Лароком мы как-нибудь сладим.

Виленвиец кивнул, он знал лучше других – убрать торейцев трудно, но не невозможно.

Огненнолисый покинул комнату. Шаг его был тверд, но почти неслышим, движения точны и не лишены грациозности. Ладин тряхнул головой, отгоняя дурацкие мысли о сходстве людей и их покровителей.

Медлить не было смысла, виленвиец отправился поторопить своего напарника.

Вчера в полдень остальные семеро спутников виленвийца двинулись обратно в Град Двенадцати богов, в Кране остался лишь его секретарь Хон – совсем еще зеленый мальчишка. Долговязый, щуплый, с большущими карими глазами. Ладин подозревал, он и оружием владеет не пойми как. Случись чего, помощи от него с гулькин нос, но зато расторопный, местным языком владеет отменно, а на первых порах это самое важное. Сын Хозяев Еруды, помимо родного виленвийского, сносно изъяснялся на торейском, языке супруги, и ланарийском, языке деда – Рокана Победителя, но кранский отчего-то давался ему с трудом. Он легко понимал написанное, но на слух ничего не воспринималось. Виленвиец, впрочем, надеялся в ближайшее время устранить эту досадную оплошность.

Через четверть часа мужчины отправились в дорогу. Ладин время от времени поторапливал секретаря, юноша смотрел по сторонам с таким интересом, что рисковал потеряться. Лошади резво скакали по пыльной сухой дороге, солнце только начинало свой путь, а в воздухе еще витала утренняя прохлада. Солак придержал коня и, перейдя на шаг, поравнялся с Ладином.

– Нам придется сделать крюк, надо заехать в Анак, передать документы. Это не займет больше пары дней. А там и до границы рукой подать, – огненнолисый снова изобразил сожаление.

Виленвиец пожал плечами.

– Я с удовольствием посмотрю на вашу столицу. Я слышал от деда, что такого святилища, как у вас, он нигде больше не встречал, а видел он многое, впору легенды слагать.

Лицо спутника озарилось довольной улыбкой.

– У нас почти две сотни богов, каждому клану – по покровителю. Статуи в святилище одна краше другой, каждый старается задобрить и поблагодарить своего защитника. За день ничего и не посмотришь толком, но если захотите, я могу показать самых красивых идолов.

Сын хозяев Еруды кивнул. Солак снова пустил коня рысью.

– Мы налегке, если не останавливаться надолго, успеем в Анак завтра к обеду.

Гость старался не отставать от провожатого. Перед глазами будто мелькал учебник по геометрии: все вокруг выверено, гладко и однозначно. Много зелени, ровные широкие дороги, даже встречные люди – и те будто несут перед собой бумагу с описанием, кто они и откуда. Судьба каждого высечена на правой руке.

Они проехали мимо серого мраморного здания в форме вытянутого пятиугольника. Сын Хозяев Еруды долго смотрел на него, прежде чем понял, что этот пятиугольник – ключ с треугольной головкой и длинным хвостовиком. Хвостовик весь состоял из невысокого постамента и громадных колонн, удерживающих кроваво-красную крышу. А треугольник головки представлял собой башню с узкими окнами. Внутри хвостовика ходили женщины в белых одеждах, все как одна с длинными распущенными волосами.

– Что это? – поинтересовался виленвиец у провожатого.

– Храм смерти, – Солак кинул на здание беглый взгляд и отвернулся. – Пес-ключник охраняет ворота в Вечный лес. Ему служат безликие – те, кто не знает своего клана. Когда кто-то умирает, именно служители смерти приносят в жертву поросенка перед погребением. Они же отвечают за ритуал. Все нужно делать правильно, чтобы у пса-ключника не было повода не пустить в Вечный лес.

Ладину стало не по себе.

– Ну и занятие, – вполголоса пробормотал он.

– Им есть чем развлечься, – подмигнул Солак, – мужчины могут пойти в армию, а женщины – найти себе покровителя и жить в свое удовольствие в свободное от храмовых обязанностей время.

Виленвиец ухмыльнулся.

– Есть желающие купить женщину?

– Бывает, – огненнолисый пожал плечами. – У нас принято договариваться о союзе детей, когда сочетаются браком родители. Судьба часто подкидывает сюрпризы. Кому-то приходится ждать свою половину десять, а то и двадцать лет. Дочерей все равно стараются пристроить раньше, меняют договоренности, предлагают других членов клана, а мужчины терпеливо ждут. Так почему бы не скоротать время с безликой? Не самый плохой вариант.

Сын Хозяев Еруды молча кивнул. Сказать ему было нечего. Нет, в Виленвии тоже договаривались о браке детей, подписывали бумаги, иногда даже оговаривали неустойки в случае расторжения помолвки, но обычно это делалось с согласия молодых. Да и свободы в Виленвии было больше, многие пары сочетались, зная, что ждут наследников. Единственное, чего не признавали виленвийцы – измен и разводов. Виленвиец мог долго выбирать пару, но если уж выбрал, должен принадлежать ей до конца.

Весна была на излете: теплый воздух, густо-синее небо с редкими облаками, незатейливо поющие птички, запах кожи, лошадей и – о боги за что! – фиалок. Ладин пытался увидеть эти цветы хоть где-то, но тщетно, зато запах и не думал прятаться. К вечеру виленвийцу казалось, что он сошел с ума.

Они остановились на ночлег в добротном и чистом постоялом дворе. Хозяин, пожилой расторопный мужчина с яркой пичужкой на правой руке, вежливо приветствовал их. Путники пристроили лошадей, забросили вещи в комнаты на втором этаже и уселись ужинать в большом зале на первом. Народу вокруг было немного. Пяток пьяных мужских компаний, невнятная парочка и длинноволосая, странно одетая женщина, сидящая за ужином в самом дальнем конце зала. Ладин посмотрел на ее руки. Света было явно не так много, как хотелось, но Ладин хорошо разглядел изображение оскалившегося пса на левой, а не на правой руке. Вполголоса спросил Солака о ней.

– Безликая, в свободное от занятий в храме время, – двусмысленно подмигнул он в ответ. Появился хозяин с бутылкой.

– Позвольте господа, очень рекомендую, лучшее вино наших кировских соседей.

Мужчины благодарно закивали. Усталость брала свое, и выпивка была кстати. Хозяин разлил напиток и ушел. Огненнолисый пригубил первым и, довольный, продолжил трапезу. Сын Хозяев Еруды тоже сделал два крупных глотка. Он изменился в лице и произнес самое мерзкое виленвийское ругательство. Секретарь покрылся легким румянцем, господин нечасто позволял себе подобное, и Хон никак не мог привыкнуть. Солак внимательно посмотрел на гостя. Тот шумно выдохнул.

– Оно фиалковое!

Провожатый удивленно приподнял уголок губ.

– Конечно. Оно же кировское. Другого они не пьют.

– Боги, за что? – Ладин прикрыл глаза ладонью. – С позавчерашнего вечера меня преследует запах этих цветов, а теперь еще и вино. Проклятие какое-то!

Огненнолисый захохотал, да так громко, что парочка рядом удивленно уставилась на него. Он позвал хозяина, шепнул тому пару слов, и бутыль поменяли на превосходный виноградный напиток без лишних примесей. Наполнив им бокал виленвийца, Солак объяснил.

– На прошлой неделе конунг Киросы просил руки Илы, сестры Иллария, для своего старшего сына. Не знаю, кто ему поведал о ее любви к фиалкам, но в подарок они передали пять бутылей фиалкового масла и дорогой шелковый плащ. Упаковали подношение плохо, бутыли побились по дороге. Из ящика по капле утекало масло, но никто этого не заметил, и пока гостинец дошел до Илы, фиалками пропах весь приграничный особняк. Про плащ и говорить нечего. Она так и оставила его в библиотеке на одной из полок. Она велела прихватить его вместе с документами, скорее всего, надеясь, что запах успеет выветриться.

Ладин еще раз громко вздохнул и, опустошив свой бокал, налил себе снова.

– Илу зовут Иллария?

– Да. Родились они одновременно, а родовое имя для старшего ребенка одно. Она – Иллария, он – Илларий, – Солак потер свою лысую голову.

– Когда назначили свадьбу? – Поинтересовался Ладин, мысленно прикидывая, не повредит ли брак Илы с киросским наследником Виленвии.

Солак ухмыльнулся и покачал головой.

– Ила отказала ему. Как, впрочем, и всем остальным.

– Много претендентов? Она такая красавица?

– Судить не берусь. Скорее, партия выгодная. Женщина она своеобразная… – провожатый осекся, помолчал мгновение, но после, будто вспомнив что-то важное, раздухарился. – Вы сами ее увидите, если она не в отъезде. Думаю, нас пригласят на завтрак или ужин.

– Звучит многообещающе, – сын Хозяев Еруды понимающе подмигнул.

Солак в который раз покачал головой.

– Отнюдь. Мы с поручением от брата, в противном случае она бы не выползла из своей лаборатории ради нас.

В тоне Солака сквозило нечто среднее между благоговением и дружеской издевкой. Ладин выпил еще и уже настроился выяснить все подробности о сестре Иллария, но краем глаза заметил, что секретарь клюет носом и решил отпустить мальчишку спать. Завтра на рассвете ему предстоял путь на ближайшую приграничную заставу, куда должна прийти почта для его господина. Солак отправился спать следом за секретарем Ладина. Виленвиец выпил еще вина и ушел в отведенную ему комнату. Постель была чистой и свежей и, хвала богам, фиалками не пахла.

Глава вторая

Замок клана Рассвирепевшего вепря в Анаке поражал своим великолепием. За торжественными крепостными стенами из белого, как соль, кирпича, располагался высокий холм. На его вершине, впиваясь в небо шпилями, будто иглами в ткань, господствовал он. Симметричный, с идеально выверенной геометрией и широкими въездными воротами, замок, как девушка на выданье, оценивающе разглядывал посетителей бесконечным множеством узких окон. На склонах холма располагалось святилище: огромный парк с сотнями статуй покровителей кланов Краны. Солак рассказывал о каждой, встречающейся на пути.

Вчера, за ужином в доме огненнолисого – большом каменном особняке с огромным балконом на втором этаже и заброшенной оранжерей на первом – Солак предположил, что их пригласят в замок на завтрак. И оказался прав. Путь был неблизкий, и чтобы не опоздать, Ладину пришлось отказаться от утренней чашки кофе, поэтому сейчас, слушая истории провожатого с неподдельным интересом, виленвиец не переставал хмуриться. Утро без кофе теряло всякую прелесть.

Плохое настроение отступило, когда уже на подходе к цели он увидел статую вепря. Ладин застыл, с восхищением всматриваясь в скульптуру. На небольшом, по середину голени, постаменте стоял ощетинившийся зверь. Смотрел немного свысока. Его пятачок был точно по росту взрослого мужчины, а взгляд рубиновых глаз прошивал насквозь, настойчиво напоминая, насколько вепри опасные животные. Он был выточен из дерева, вероятно, лиственницы, с такой тщательностью, что отчетливо виднелась каждая стоящая дыбом шерстинка, каждый изгиб тела. Искусно врезанные клыки из агата, казалось, росли прямо из дерева. Копыта статуи ни в чем не уступали клыкам: ни молочной белизной, ни гармонией крепления. Солак просиял, и, довольный произведенным эффектом, начал свой рассказ.

– Это статуя покровителя вепрей, его имя Просан. Он не самый сильный, но самый выносливый. У него всегда самая тяжелая ноша.

– А копыта почему белые? – поинтересовался Ладин, привычный к тому, что все в изваяниях богов не просто так.

– Его не касается грязь этого мира, – огненнолисый улыбнулся. – Тому, кто берет на себя самую тяжелую ношу, простят любые проступки.

Сын Хозяев Еруды кивнул, а сам подумал, что, наверное, жутко присягать тому, кому все дозволено.

В замке их приветливо встретил слуга с изображением лани на правой руке, Ладин уже успел привыкнуть к татуировкам и без труда различил надпись у запястья: «Честь превыше всего». Глядя на то, как слуга будничным жестом приветствует Солака, сын Хозяев Еруды решил, что тот здесь частый гость.

Мужчина проводил их в столовую, где ожидала супруга конунга Краны, Глоса.

«У Иллария отличный вкус, – отметил Ладин про себя. – Даже дышится чаще».

Редкая красавица. Огромные глаза, манящие губы, шелковые волосы, мило вздернутый нос, легкий румянец на щеках, миниатюрная, хрупкая фигурка и, что странно, никаких татуировок. Она извинилась за опоздание Илы и предложила начать без нее. У этой женщины и голос был великолепный: нежный, бархатный, обволакивающий. Виленвиец поймал себя на мысли, что она слишком хороша для Иллария, правду говоря, действительно немного напоминающего вепря.

Ладин вдруг вспомнил свою супругу, Натану, тоже красавицу, но совсем другую. Красота ее настолько яркая, что кажется воинственной, агрессивной, мимо не пройдешь. Глоса же, напротив, больше напоминает цветок, настолько нежный, что хочется спрятать от невзгод.

Принесли завтрак, разговор за столом потек в привычном русле пустой застольной болтовни. Ладин, как и должно иностранному наемнику конунга, в беседе почти не участвовал, больше кивал и улыбался. Когда подавали десерт, в столовую кто-то вошел. Сын Хозяев Еруды не видел кто, он сидел спиной ко входу, но судя по тому, как ученически выпрямился Солак, склоняя голову в немом приветствии, это была она.

Вновь прибывшая обошла стол и уселась напротив. Ладин поднял глаза, чтобы рассмотреть ее – и остолбенел. Сердце забилось как бешеное, язык прилип к небу. Напротив сидела ожившая статуя покровительницы домашнего очага. Он видел множество скульптур этой богини, даже помогал создавать изваяние для нового святилища в Еруде, но кто бы мог подумать, что существует вполне реальная женщина, столь схожая с древними изображениями.

Невысокая, с фигурой, напоминающей песочные часы, и огромной копной длинных светлых кудряшек, сестра конунга вряд ли могла составить конкуренцию своей невестке, но жаловаться на внешность Иле не приходилось. Был в ней только один изъян – глаза. Немного раскосые, широко распахнутые, обрамленные пухом светлых ресниц, они были разного цвета. Правый – темно-зеленый, совсем как у брата, а левый – синий, оттенка моря в погожий день. В общем, все у нее было точь-в-точь как в виленвийских легендах. Согласно им, покровительница домашнего очага кормила врагов собственноручно приготовленными блюдами, и все бы ничего, но, подмигивая синим глазом, она вынимала из мужчин, испробовавших ее стряпни, душу, а зеленым – сердце. У женщин она ничего не брала, потому что для них не готовила.

Ладин посмотрел на руки Илы. Удивительно! На ней было платье с рукавами, закрывающими запястье, так что удалось рассмотреть лишь узор, спускающийся к пальцам.

Он вспомнил мастерскую резчика Кадара, куда в детстве частенько бегал после занятий мечом, вспомнил, как тот вырезал лицо покровительницы домашнего очага, а ему, четырнадцатилетнему мальчишке, доверили сделать подол юбки и ноги. Вечная странница, как и все остальные виленвийские боги, не носила обуви. Ладин подозревал, она и панталон не надевала, и они с мастером даже как-то обсудили этот вопрос.

Статуи богов всегда вырезали из цельного дерева и, в силу размеров, работа была утомительная. Ладин поинтересовался у Кадара, отчего боги всегда изображаются одинаково. Тот подумал немного и ответил: «Все просто, мальчик мой, для того, чтобы мы смогли узнать их, когда они решат почтить нас своим присутствием. Потому что они придут тогда, когда действительно понадобится помощь».

– Ладин, вы меня слышите? – голос Илы напоминал шуршание осенних листьев под ногами. – Надолго вы в наши края?

Ладин посмотрел в ее глаза. Она не стушевалась, не отвела взгляда. Ответ не требовался, она задала вопрос из вежливости, лишь не желая обделять вниманием гостя брата. Виленвийцу вдруг захотелось оказаться в постели с этой ожившей статуей. Он улыбнулся, первое удивление прошло, он окончательно понял: перед ним не божество, а обычная женщина из плоти и крови.

– До конца лета, вероятно. К празднику урожая я хотел бы вернуться домой.

– Если надумаете, приезжайте на праздник урожая в Анак. Мы будем рады принять вас на нашем торжестве, – улыбнулась Ила одними губами.

– Всенепременно.

Иллария дежурно кивнула.

Вскоре завтрак подошел к концу. Солак передал документы и плащ, и мужчины ушли. Они решили продолжить свой путь на следующий день, сегодня нужно было дождаться секретаря с письмами. Немного прогулялись по городу, а после направились домой. У порога Солака окликнула молодая женщина. Обычно равнодушный кранец несказанно оживился и потянул гостя за собой.

– Хочу познакомить вас. Веталия Карра. Дочь клана Воинствующей рыси. Лучший скульптор в Кране.

Женщина смутилась, и на ее милом личике проступил румянец:

– Солак преувеличивает.

Ладин поклонился.

– Не думаю. В руках красивой женщины даже камень становится чуточку, но лучше.

Комплимент Ладина отскочил от собеседницы и повис в воздухе. Она посмотрела на Солака и, сминая в руках сумочку, затараторила:

– Я вчера получила твое письмо. Уже ответить успела, хотела узнать, когда ты приедешь. Тут вижу тебя на улице. Сначала думала, показалось, – она остановилась, и взгляд ее наполнился такой безграничной нежностью, что виленвиец счел необходимым испариться.

Сославшись на усталость, он исчез в доме Солака. У окна в гостиной стоял секретарь и с нескрываемым любопытством наблюдал за парочкой. Сын Хозяев Еруды и удивился его раннему возвращению, и порадовался его расторопности.

– Как неприлично, – упрекнул он подчиненного. – Дайте людям насладиться обществом друг друга.

Секретарь задумчиво кивнул и захлопал ресницами:

– Господин, они говорят, будто любовью занимаются. Я, наверное, руками такое с женщиной сделать не смогу, что он творит глазами. Искры того и гляди сожгут все вокруг. И при этом он ее даже под локоток не взял. Это местные порядки такие? Вы что-нибудь понимаете?

– И не пытаюсь, – сын Хозяев Еруды уже разгребал послания, которые привез секретарь. – Мне и своих забот хватает. А вам, Хон, надо тренировать руки. При должном усердии и не такое будет получаться.

Писем пришло немного. Оно и понятно, Ладин уехал из дома чуть больше недели назад, тем не менее письмо от отца было в желтом конверте. В таком цвете они договорились присылать послания важные и требующие немедленного ответа. Виленвиец сломал печать и торопливо пробежался глазами по строкам. Вести прибыли неприятнее некуда – шпионы сообщали, что супруга Ладина, Натана, беременна.

Ладин снял с пояса ножны с мечом и тяжело опустился в кресло, что стояло около окна. Выверенным движением извлек оружие на свет и, повертев немного, снова спрятал на место. Подпер рукой подбородок и уставился на перила лестницы на второй этаж. Известие о беременности Натаны должно радовать, но только не его: он-то Натану уже года три как не видел.

С ней давно надо было что-то решать, но что именно, Ладин придумать никак не мог. Он ничего не сделал, когда через пару лет после свадьбы выяснилось, что она торейская шпионка, подосланная Скаваром, лишь купил дом на далконском побережье и отправил ее жить на море. Он ничего не сделал, когда она передумала рожать ему детей, он еще верил – любовь все преодолеет. Он ничего не сделал даже тогда, когда застал ее с другим мужчиной. Просто уехал. Бездействовал он и три года назад, когда она просила развода. Он пообещал подумать и предпочел забыть об обещании сразу после ее ухода.

Развод для Ладина был неприемлем. В начале войны, когда Виленвия только мечтала о независимости, а Хозяин Еруды приносил присягу королю Тору, он бы развелся не думая. Сейчас, когда он мог унаследовать титул отца, стать правителем своей страны, как говорили виленвийцы, получить ключи от Еруды, выгоднее было просто убрать Натану с дороги. В Виленвии не признавали разводов, виленвийский брак заключался до конца жизни, развестись для сына Хозяев Еруды означало отдать ключи от Града Двенадцати богов кому-то из сестер. А ему так хотелось быть правителем! В конце концов, именно он отвоевал независимость для своей страны у Тору, именно он победил Скавара в десятилетнем противостоянии. Отец, конечно, тоже участвовал, но воевать никогда не любил и по возможности оставлял всю ратную часть Ладину.

Виленвиец еще раз пробежался глазами по строчкам послания.

«Сын,

мой агент сообщает о беременности Натаны. Полагаю, поздравлять тебя излишне, ты не имеешь к этому ребенку ни малейшего отношения.

Мне кажется, самое время вспомнить, что Натана – торейская шпионка и поступить с ней так, как и следует поступать со всяким пойманным шпионом. Нам ни к чему продолжать это представление: тебе давно нужна свобода, а Натане давно пора получить по заслугам. Мы и так проявили чересчур много терпения и такта. Особенно ты.

Жду твоего решения. Не медли, нам желательно покончить с этими сложностями до того, как родится ее ребенок.

Искренне твой».

Ладин нашел у секретаря в сумке дощечку, бумагу, перо с чернилами и сел писать ответ. Он просил подождать еще немного, хотел прежде поговорить с Натаной сам. Уже запечатывая конверт, заметил: пальцы его не слушаются. Досадуя на свою слабость, он отдал ответ секретарю и отправился гулять по городу.

Вернулся ближе к закату. Дом пустовал: Хон уехал отсылать письмо, а Солак, вероятно, не вернется до утра. Слуг у огненнолисого не было, и гость сам хлопотал над ужином. Он зажег в столовой свечи. Выложил покупки. Посуду и приборы нашел без труда, в большом деревянном буфете рядом с кухней. Нарезал копченую свинину тонкими, почти прозрачными ломтиками, накрошил сыр маленькими кубиками, помыл овощи и разложил их по тарелкам. Откупорил бутылку неплохого красного сухого вина и уселся за стол. Настроение было так себе, но на этот случай Ладин купил засахаренные орехи: если вино не поможет, в бой вступят они.

Он только приступил к трапезе, только отправил в рот кусок сыра и, смакуя его, отломил горбушку ароматного багета, как в столовую вошел Солак. Вид у него был такой, что краше в гроб кладут. Виленвиец налил бокал вина и предложил его страдальцу. Тот принял подношение с благодарностью, сделал пару глотков, сел за стол и, вилкой прихватив немного свинины, отправил мясо в рот. Сын Хозяев Еруды вымучил улыбку.

– Я ждал вас утром. Слуг у вас нет, вот я и решился. Простите, если я чересчур наглый гость.

– Утром? – удивился Солак. – Вы все неверно поняли. Веталия – моя давняя подруга. У нее строгий отец, семеро старших братьев, и она снова собирается замуж! – мужчина вздохнул. – Она, конечно, опять промаринует жениха и передумает, но вдруг нет? Мучение, да и только!

Ладин похвалил себя за предусмотрительность: он купил два бутыля вина. Снова наполнил опустевший бокал провожатого и приготовился слушать. Чужие истории отвлекали от собственных забот.

– А что мешает сделать Веталии предложение? Вы недостаточно богаты? Или кровь неблагородная?

Солак в сердцах махнул рукой, ближайшая к нему свеча погасла.

– Кровь у меня благороднее некуда, и денег достаточно. Отец Веталии, конечно, так богат, что сравниться с ним могут, наверное, только Хозяева Еруды, но я уж точно не беднее очередного женишка. Отец ее терпеть меня не может, но и это я бы пережил как-нибудь… Я не свободен. Я обещан Иле. И обещание это как капкан, выпустит только без одной лапы.

Ладин отправил в рот очередной кусок мяса. Зажег погасшую свечу от другой.

– Не похожа Ила на счастливую невесту… Может, она отпустит вас?

Солак усмехнулся. В очередной раз опустошил и наполнил бокал. Вздохнул.

– Все не так просто. Шестнадцать лет назад мои родители организовывали заговор против клана Вепрей. У клана Огненной лисы прав на верховенство не меньше. Их разоблачили, и чтобы сохранить свою жизнь, моим родителям пришлось дать клятву. Там было много пунктов, меня касались только два: я обязан по первому требованию жениться на Иле, и наши дети

должны войти в клан Вепрей. Нарушить клятву, как вы понимаете, я не могу. Остается только ждать, пока Ила выйдет замуж за другого. Но чем дальше, тем надежд меньше.

Ладин скорчил рожу.

– Будет вам, Солак. Ила – не урод, фигура отличная, приданое хорошее, найдется и на нее охотник.

– Осталось только, чтобы она согласилась. Тот, кого она хочет в мужья, давно мертв, – Солак потер ладонями свою лысую голову. – Столько раз намечали свадьбу… Только все напрасно.

Виленвиец молча ждал продолжения. Огненнолисый выпил достаточно, но воспитание сказывалось, лишнего он не болтал, грань приличий не переступал. Сын хозяев Еруды залпом допил вино и доверительно прошептал:

– У меня есть засахаренный фундук. Будете?

– Неважные вести из дома?

– Скорее, непонятные, – Ладин и не предполагал за кранцем такой проницательности.

– Давайте, – Солак улыбнулся. – А потом спать. Мы будем ждать вашего секретаря?

– Нет. Он нагонит нас в дороге, – виленвиец уже достал орехи и высыпал в тарелку.

Солак сгреб несколько и отправил их в рот.

– Как у вас все отлажено…

Сын Хозяев Еруды лишь пожал плечами.

– Я не первый раз надолго уезжаю из дома.

Глава третья

В отличие от Виленвии, у которой на севере в соседях только Тору с интриганом Скаваром во главе, Крана с севера граничила еще и с Лароком. Собственно, с Тору Крана никогда толком и не воевала. Еще до рождения Илы и Иллария Скавар пытался сместить их отца, но после оставил свои попытки. Лишь пятнадцать лет спустя король Тору добрался-таки до него, конунг Краны умер в тяжелых муках от неизвестного яда, но клан Вепрей сохранил за собой власть. Воспользоваться юностью нового конунга интриган не успел, Виленвия начала свой путь к независимости. Восставшие хоть и были неопытны, но подготовились хорошо, и все время войны доставляли массу хлопот. В конце концов, стало понятно, что Виленвию проще отпустить. Скавар подписал с Хозяевами Еруды мирный договор и снова обратил свой взор на Крану. Поздно. Ларок уже три года кряду пытался наложить на нее свои щупальца. Королю Тору ничего не оставалось, как присоединиться в надежде, что в случае удачи немножко перепадет и ему.

Когда в начале лета Ладин соглашался на участие в войне, он считал Тору главной угрозой Кране, но он ошибался. Главной угрозой был Ларок. Отлично обученная, великолепно экипированная, мобильная армия Ларока не просто терроризировала окраины Краны, время от времени осаждая приграничные города, она пыталась пробиться вглубь страны. К чести кранцев, вглубь страны врагов не пускали, но стоило это дорого. Будь Ладин на месте Лари, он бы тянул время и искал союзников. Опыт подсказывал, что с Лароком один на один сейчас никто бы не справился. Впрочем, Виленвия от такого расклада только выигрывала: пока соседи воевали между собой, виленвийцы наводили порядок дома.

Лето близилось к концу, отец настойчиво звал в Еруду, он жаждал увидеть, как сын управляется со страной в мирное время. Ладин, будто нерадивый ученик, хитрил и увиливал. Вот и в последнем письме он пообещал выехать домой через неделю. Вряд ли неделя могла что-то изменить, но Ладин радовался любой отсрочке. Он уже давно выполнил просьбу Лари, торейцев у границ почти не было, он оставался на этой войне скорее из любопытства. Ему хотелось понять, справится ли он с таким врагом, как Ларок. Мелкие стычки с ними уже были, он остался собой доволен, а вот до крупных сражений дело все не доходило. Интуиция говорила, надо только подождать, и за важным боем дело не станет.

За день до планируемого отъезда в Виленвию ожидания оправдались. Разведка предупредила о готовящейся атаке нескольких торейско-ларокских отрядов на Тарт, ближайшую к Анаку крупную деревню. На офицерском совете решили частью людей встретить врага и, устроив ложное отступление, подпустить их к Тарту, а другой частью зайти в тыл. Командование «встречными» людьми доверили Ладину, а «тыловыми» – Гратту. Кто-то предложил послать за подмогой на ларокский фронт, и остальные с радостью согласились. Если успеют подтянуть еще людей, шансы не подпустить врага к Анаку велики.

Наступление началось на рассвете. Ладин встретил его в седле. В предвкушении испытаний он полночи провел без сна. Промозглое утро пахло сыростью и приближающимся дождем, но Ладин находился в состоянии легкого безумства, еще чуть-чуть, и воздух вокруг наполнится запахом пота, лошадей, железа и крови. Шальной ветер принес откуда-то аромат фиалок, и сын Хозяев Еруды с сожалением вспомнил про Илу. Жаль, не удастся попасть в ее постель, после этого сражения он прямиком домой, там полно других вариантов.

То был не бой, а необъятных размеров мясорубка. У Врат Вечности в тот день, похоже, стояла очередь. Нападавших оказалось больше чем ожидали, но кранцы сделали невозможное: осуществили все задуманное. Вражеские отряды спустились с холмов, Ладин и его люди увлекли их за собой, ближе к Тарту. Враги наступали решительно и жестко, но после атаки

отрядов под командованием Гратта напор поутих. А когда подошла подмога, враг и вовсе с большими потерями отступил к границе.

Удача сопутствовала Ладину до конца сражения, лишь когда его отряд увлекся преследованием врага, она отвернулась на пару минут. Этого хватило. Судьба будто ждала этого момента. Очередь у Врат Вечности занимать не пришлось, но хлопот добавилось. Солак вытащил с поля брани израненного виленвийца и, добыв телегу и парочку свежих лошадей, повез его в Анак. К счастью, до столицы было рукой подать. Огненнолисый отлично помнил недвусмысленный приказ Иллария: «Гость должен покинуть Крану живым и здоровым».

Солак пошел ва-банк и отвез подопечного к той, кого считал лучшей в своем деле. Замок клана Рассвирепевшего вепря встретил его, как и сотни раз до этого дня. Огненнолисого оставили в холле. Он ждал недолго, минут через десять пришла раздосадованная Ила: она терпеть не могла, когда ее без договоренности вытаскивали из лаборатории. Он дежурно поклонился:

– Госпожа, со мной раненый.

Ила посмотрела на него как на ненормального и заговорила, четко выговаривая каждое слово.

– Солак, всех раненых ждет госпиталь. Это большое серое здание на окраине святилища, около статуи дикой белки.

Огненнолисый замахал головой.

– Это виленвиец, Ладин. Ваш брат велел оградить его от угроз. Я не справился. Выручайте. Если он умрет, боюсь, ваш брат мне этого не простит.

Ила смягчилась. Илларий был непредсказуем, когда дело касалось его приказов, а провинность Солака невелика. Рано или поздно наемник должен был пострадать. К тому же семь лет назад огненнолисый спас ее от торейцев.

– Я сделаю все, что смогу. Но я не бог. Если ранение серьезное, я смогу только попросить брата вспомнить ваши предыдущие заслуги.

– Надеюсь, это не понадобится, – Солак еще раз поклонился. – Благодарю. Побеждай или умри!

– И вас пусть не оставят ваши покровители. Побудьте в городе. Утром пришлю известие о здоровье виленвийца.

– Как прикажете.

Огненнолисый еще раз поклонился и отбыл. Ила вздохнула и занялась привычным делом – оказанием помощи раненому. Она терпеливо дождалась, пока его перенесут в комнату около лаборатории. Отправила помощника за водой и инструментами, осмотрела раненого. Нет. Врата Вечности ему не грозят. Хотя… Он без сознания, потерял много крови. На плече всего лишь царапина, зашить да и только, на животе ранение нехорошее, но не смертельное, а вот рана на бедре Иле не понравилась. Видимо, придется применить «Темный нож» – лекарство безотказное и почти волшебное. Она еще раз тяжело вздохнула, закатала рукава, обнажая руки: правую с ощетинившимся зверем и левую, всю в огромных, мертвенно-белых шрамах.

Несколько минут спустя она вовсю колдовала над Ладином. Разум ее был холоден, руки точны, а глаза не упускали ни одной мелочи. Сколько таких, как Ладин прошло через ее руки? Она не помнила и не хотела вспоминать. Только иногда те, борьбу за жизнь которых она проиграла, давали знать о себе безотчетным страхом ошибиться или поспешить, но это были лишь мгновения, а все остальное время она не сомневалась ни в одном своем действии.

Она сталкивалась с недугами с детства. Мать занималась врачеванием, а Ила лишь оказалась достойной ее ученицей: способной, прилежной и постоянно совершенствующейся. После смерти матери у Илы были и другие наставники, и сейчас она совершенно точно знала: врача лучше в Кране нет. Из каждой войны, из каждой эпидемии и обычных мелких напастей сестра конунга выносила маленький урок. Никого из своих пациентов она не отдавала легко, каждого из почивших смерти надо было выцарапывать из последних сил.

Она уже почти закончила с Ладином, когда в гостиную зашел мужчина с изображением на правой руке волка, воющего на луну, Вилт, руководитель госпиталя. За три года, что она была его ученицей, они сблизились достаточно, чтобы не скрывать радости от встречи. Он сообщил, что начали привозить раненых, их много и дороги каждые руки. Ила только кивнула в ответ и пообещала прийти немедля. Мужчина спросил разрешения увести помощника Илы и, получив согласие, увел его за собой. Женщина еще раз внимательно осмотрела раны подопечного, накрыла его простыней и, поручив опытному слуге, побрела в госпиталь. Перед тем как выйти из замка, она остановилась раскатать рукава. Все, конечно, в курсе той истории с торейцами, но не нужно лишний раз напоминать о своих изъянах.

На этот раз раненых было хоть и много, но не больше, чем после любого крупного сражения, другое дело – многим помощь требовалась безотлагательно, даже самое незначительное промедление могло стоить кому-то жизни. День прошел в беготне и суете, ночь Ила тоже провела без сна. На рассвете она отправила помощника осмотреть Ладина и дать знать Солаку, все ли в порядке.

Вилт принес завтрак. Ила поблагодарила, поставила поднос на подоконник, помыла руки и уселась есть. Он присел рядом и смотрел, как она воюет с едой. Он молчал, только его тонкие длинные пальцы отбивали неслышный ритм. Ила отвлеклась от трапезы.

– Идите спать. Я протяну до обеда. В конце концов, здесь и кроме нас полно людей, которые способны помочь.

Мужчина кивнул.

– Ты права. Сейчас пойду. Я поговорить с тобой хотел. Это на пару минут.

Ила расправилась с молоком, вытерла рот салфеткой, давая понять, что готова слушать. Мужчина прекратил барабанить пальцами и собрал руки в замок.

– Твой помощник уже готов к самостоятельному плаванию. Ты сказала ему об этом?

– Да. Он со мной последнюю неделю.

– Я хочу, – мужчина замялся, но потом взял себя в руки, – предложить тебе другого ученика. Моего младшего сына. Он толковый парень, а лучше тебя никого нет. С азами знаком, бредит врачеванием, хочет быть как отец.

– Тогда в чем дело? Где подвох? – женщина улыбнулась. – У вас такой вид, будто яду выпить предлагаете.

– Он похож на брата. Как две капли воды. Подумай. Если тебе это будет тяжело, я найду ему другого учителя.

Ила покачала головой. Накрыла ладонью ледяные ладони мужчины.

– Восемь лет прошло. Все раны давно зарубцевались.

Вилт высвободил свои руки и по-отечески аккуратно заправил обратно под платок выбившуюся кудрявую прядь.

– Если бы это было так, у Иллария давно были бы племянники. Но мальчишку я пришлю, как только все закончится. Помни, ты в любой момент можешь отказаться, я буду не в обиде.

Собеседница отмахнулась.

– Возвращайтесь к обеду. Нельзя оставлять без присмотра эту богадельню.

Мужчина кивнул. И ушел, захватив с собой поднос. Ила вернулась к раненым. Ее мысли снова обратились к измученной войной плоти: какое ей дело до мертвых, когда живые нуждаются в помощи?

Время до обеда пролетело незаметно. Выжатая как лимон, Ила отправилась спать. По пути она наведалась к Ладину, он мирно посапывал и не проснулся даже во время осмотра. Выслушав рассказ слуги, сестра конунга убедилась, что все хорошо. На отдых было часов пять, время еще дорого, и долго путешествовать в стране снов она позволить себе не могла. Затем был остаток еще одного дня, заполненный борьбой с легкой усталостью, потом еще одна бессонная ночь, день, еще ночь и день, когда стало понятно, что всех, кого могли, спасли, осталь-

ным надо смириться со своей участью. После обеда Ила пошла домой с твердым намерением выспаться.

Повинуясь, скорее, любви к порядку, нежели беспокойству о пациенте, Ила решила навестить виленвийца. На этот раз Ладин не спал или спал, но не крепко, звук открывающейся двери разбудил его. Слуги в комнате не было. Ила, кивнув в знак приветствия, тут же приступила к делу: легким движением откинула простыню, осмотрела рану на бедре. Та заживала хорошо, еще чуть-чуть – и можно будет снять шов. Рана на животе нравилась ей все меньше, того и гляди загноится, надо сменить мазь. Она откинула простыню с другой стороны и наклонилась над плечом. Здесь все шло как по маслу. Сын Хозяев Еруды пробормотал на родном языке:

– Обожаю женщин, которые знают, чего хотят. Ни тебе цветов и ухаживаний, ни вздохов при луне и тайных поцелуев, ни тебе клятв, сразу раз – и под одеяло.

Ила подняла голову, посмотрела ему в глаза и ответила на виленвийском:

– Приберегите свой солдатский юмор для казармы, а я должна осмотреть ваши раны.

Несколько прядей соскользнули с ее плеча и приземлились на грудь Ладина. Он осторожно вернул их на место.

– Простите, я не думал, что вы поймете.

– Моя мать – виленвийка, – Ила накрыла пациента и уселась в кресле рядом.

– Везде наши побывали, – усмехнулся тот. Потом улыбка сошла с лица и, потерев трехдневную щетину ладонью, он ринулся в бой. – Ила, велите вашему человеку дать мне какую-нибудь одежду. Я устал валяться. Привел бы себя в порядок. Я же не в плену?

– Судя по тому, что здесь вчера был ваш секретарь, одежда у вас скоро появится, – холодно заметила Иллария. – Самое интересное, что мы об этом можем и не узнать. Как он вас находит… Какой-то виленвийский секрет. Сделайте одолжение – пройдитесь. Посмотрю, так ли вы окрепли, как себе представляете.

Ладин сел на кровати, потом собрался с силами и встал на ноги. Сделал несколько шагов. Он слегка прихрамывал, но ступал уверенно. У Илы заныло в груди, и комок застрял в горле, до чего этот мужчина был хорош. Шрамов бы поменьше, а так хоть сейчас отдавай художникам в качестве эталона. Она прикрыла глаза, облизнула пересохшие губы.

– Достаточно. Я вам поверила. Велю принести одежду. Только без глупостей, не переутомляйтесь. Ложитесь, еще раз посмотрю ваш живот.

Виленвиец послушно лег. Ила наклонилась над раной, но никак не могла сосредоточиться, мучительно хотелось коснуться его. Никогда с ней не случалось подобного! Ила мысленно обругала себя всеми страшными словами, какие знала. Ему помощь нужна, а не приставания женщины сомнительной внешности. Ладин будто уловил ее настроение и, почти невесомо тронув ее за локоть, прошептал.

– Вы пахнете фиалками… Впервые этот аромат меня не раздражает…

Ила разозлилась. На него, на себя, на все вокруг.

– Ладин, если вы сейчас же не прекратите так себя вести, я отдам вас на попечение своему новому помощнику, который придет учиться только завтра и еще ничего толком не умеет. Тогда вы умрете от неправильной обработки ран.

– Хозяева Еруды вас проклянут, – в который раз улыбнулся пациент.

– Вы родственник Асара или Ларулы? Хочу понять всю мощь проклятий.

– Это будет сильное проклятие. Я их сын.

– Мне следовало бы догадаться, – Ила снова накрыла подопечного простыней и направилась к двери. – Пойду отдыхать. Рада, что вы идете на поправку.

Она добралась до своей спальни и, не раздеваясь, плюхнулась на кровать. Ей снилось море. Старый дом, в котором, пока была жива мать, они проводили все лето. Снилось, как они с братом ныряли с обрыва недалеко от порта, как втроем с матерью строили песчаную

крепость, но вредные волны время от времени разрушали ту часть, что была слишком близко к прибою. Разбудило Илу солнце, вчера она совершенно забыла задернуть шторы. Женщина велела принести воды, умылась, переоделась и, перехватив на ходу что-то на кухне, отправилась в госпиталь. Усталость ушла, с ней улетучились все сомнения, день только начинался, а у Иллария Вертала намечалась куча дел.

Глава четвертая

Помощь в госпитале не понадобилась. Раненых стало меньше, и работники справлялись своими силами. Зато в гостиной замка Илу ожидал обещанный ученик из клана Поющего волка. Он сидел на диване и разглядывал потолок. Его волосы рассыпались по обивке, а рука с изображением волка мирно лежала на подлокотнике. Женщина остановилась и вдохнула поглубже. Восемь лет назад точно так же здесь сидел его старший брат, когда ждал ее, собираясь сделать предложение.

Юноша услышал шаги и поднялся поздороваться с наставницей. Передал привет от сестры Мираты. Ила улыбнулась: она уже вечность собиралась навестить ее, но никак не могла доехать. Она внимательно посмотрела на гостя. Нет, его отец неправ, различия между братьями есть. У жениха был едва заметный шрам над губой, лицо пришедшего без изъянов. И глаза у него, кажется, чуточку темнее, чем у давнего возлюбленного.

Ила улыбнулась гостю и позвала за собой в лабораторию. Попросила рассказать, что он знает о заживлении ран. Юноша, сбиваясь и краснея, начал свой ученический рассказ. Наставница слушала его вполуха. Она вспоминала последний вечер, проведенный с женихом. На берегу реки в свете заходящего солнца, таким же точно голосом тот делился итогами своих брачных переговоров. Отец столковался с родителями его невесты, предложив им взамен младшего брата; Солак готов отпустить Илу, как только понадобится; Лари, хоть и со скрипом, но дал свое благословение на брак. Осталось получить лишь ее согласие. Ила сказала «да». Когда солнце спряталось за горизонт, они занимались любовью, вода была темная, как чернила, дул теплый ветерок, кричали выхухоли, и будто вымытые сияли звезды.

Через неделю Иле привезли его труп. Вполне себе обыкновенный, даже не сильно изуродованный. Его убили во время стычки на границе с Лароком. Илларий зачем-то посылал туда маленький отряд. Первый и последний раз в своей жизни Ила плакала не в одиночестве, а на груди у несостоявшегося свекра, Вилта. Лари в тот момент она ненавидела. Горе затмевало здравый смысл, злоба была такой всепоглощающей, что она так и не вернулась домой: чуть больше трех месяцев она прожила в клане Поющего Волка. Вот и сейчас, слушая знакомый голос, она чувствовала, как снова пробуждается и крепнет она, ненависть – чувство пагубное и несправедливое по отношению к Лари.

В настоящее ее вернул грифель, который больно впился в ладонь железным наконечником. Ила поняла: прошлого на сегодня достаточно. Она всучила юноше пыльную книжку с поручением прочитать до завтра хотя бы треть и выпроводила его восвояси. Ей захотелось уйти прочь из лаборатории, прогнать воспоминания, давние раны вдруг заболели как свежие. К счастью, было время обеда, можно пойти занять себя застольной болтовней, чужие слова прогоняют мрачные мысли. Ила, не раздумывая, направилась в столовую.

Обед только начался, за столом в ожидании первого блюда сидели невестка Глоса и Ладин. Виленвиец выглядел неплохо, только синяки под глазами да проступившие морщинки вокруг них выдавали его состояние. Он привел себя в порядок: побрился, помылся, оделся и заплел косичку.

Ила поздоровалась, села. Пахло жареной бараниной и супом из спаржи. Ладин поднаторел в кранском настолько, что умудрялся острить и острить удачно, даже необщительная и настороженная Глоса смеялась над его шутками не из вежливости. Ила молчала, как она ни старалась, разговор у нее не клеился, суп казался несъедобным, баранина не лезла в рот, даже десерт и тот на вкус напоминал кусок мыла.

К концу обеда Ила вспомнила, что ее старый помощник уехал еще вчера, значит, надо обработать раны Ладина. Она потащила его за собой в лабораторию. Тот не сопротивлялся, он понял – Ила не в духе, и предпочел не будить лихо. Он молча поливал воду из большого

кувшина ей на руки, наблюдал, как она достает банки с лекарствами, как наматывает на палочку полоску чистой белой ткани, окунает ее в мазь. Не дожидаясь команды, он скинул рубашку и начал стягивать штаны, но Ила остановила его.

– Я не хочу еще раз видеть вас раздетым.

Ладин удивленно приподнял бровь, ту, что со шрамом.

– Я вас смущаю?

Ила вымучила улыбку.

– Скорее, я сама себя смущаю. До вас я никого из моих пациентов как мужчин не рассматривала…

– Так в чем дело? – Ладин подмигнул. – Я готов оказать посильную помощь, облегчить вашу участь, чего не сделаешь ради спасительницы.

Ила сурово посмотрела на него. Как странно было видеть мужские руки без знака клана!

– Становитесь в очередь, будете тысячным желающим отблагодарить меня подобным образом, – сестра конунга поспешно отогнала мысли о применении этих нетатуированных рук. – И прекратите паясничать, за все возможные рамки выходите.

Она уложила Ладина на диван и аккуратно смазала его раны. Затем заставила надеть рубашку и, стянув с него штаны, обработала бедро. Тело виленвийца вытеснило из головы все остальное, и тоска понемногу отступила. Оставаться в лаборатории, однако, по-прежнему не хотелось. Она посмотрела на подопечного. Интересно, а ему есть чем заняться?

– Ладин, – она произнесла его имя с едва заметным акцентом, «эль» звучало чуть мягче, чем требовалось. – Если вы пообещаете не отпускать солдафонских шуток, я могу устроить экскурсию по городу.

Виленвиец оживился.

– Отлично! Клянусь, я буду как невинный ребенок.

Сестра конунга улыбнулась и кивнула.

Она повела его на набережную. Идти было далеко, но Ладину не терпелось испытать свое тело. Раны уже не беспокоили, и он предпочел скорее забыть о них. Они гуляли вдоль реки, хозяйка рассказывала о домах, стоящих у берега. В порту неподалеку сгрудились грузовые корабли, лодки, торговцы и рыбаки. Ила и ее подопечный посидели немного напротив навигационной школы, греясь на солнце и наблюдая за студентами. Заглянули на городской рынок, купили сушеной земляники и, будто в детстве, ели ее прямо из бумажного свертка. Ягоды были терпкие, с кислинкой, но пахли восхитительно. Иллария оказалась вовсе не такой букой, как думал Ладин, а он доказал свою способность общаться не только с вояками.

К вечеру забрели поужинать в странный трактир, на вывеске которого красовались раки и пивная кружка. Хозяин радушно встретил Илу, рассыпался в любезностях и все норовил лишний раз подчеркнуть, как ей благодарен. Он усадил гостей за дальний стол в темном, но очень уютном уголке и исчез, пообещав принести все самое лучшее. В зале стоял полумрак, пахло жареной рыбой, народу вокруг было достаточно, на Илу со спутником никто не обращал внимания. Она откинула голову на спинку стула и прикрыла глаза. Ладин аккуратно положил свою ладонь рядом с ее рукой. Стол был деревянный, теплый и приятный на ощупь.

– Устали? – виленвиец будто невзначай накрыл руку женщины, лежащую на столе. Ее ладонь была жесткой и горячей.

– Немного, – Ила высвободилась, царапнув ладонь спутника камнем перстня. – А вы нет? С вашими-то ранами… Прямо чудо какое-то…

Он посмотрел на нее: в полумраке зала она казалась немного надменной, чужой и холодной. Интересно, а после занятий любовью у нее такой же вид?

– На мне все заживает как на кошке, – Ладин пожал плечами, – и лекарь оказался просто божественный.

– Это вы про моего прежнего помощника? – в глазах Илы сверкнула лукавая искорка с налетом легкомыслия. – Он действительно неплох. Только уж больно самодоволен. Я в его возрасте предпочитала слушать и учиться, а он все норовил отчебучить что-нибудь. У него и отец такой же … Все суетился, то с нами был, то против нас…

Принесли еду: запеченную щуку с тушеной морковкой, свежие овощи и вареный картофель. Запахло специями. Ила положила немного в тарелку и принялась за трапезу. Она ела как все кранцы, быстро и четко орудуя вилкой. Ладин никак не мог привыкнуть к подобному, в Виленвии едой наслаждались, смаковали, есть быстро можно было только в случае чего-нибудь срочного. Она заметила его взгляд, истолковала его по-своему и пояснила:

– Когда нам досталась власть, не все нас поддерживали.

Ладин улыбнулся.

– Ила, сколько вам лет? Тридцать?

– Двадцать шесть, – ухмыльнулась она.– Я выгляжу старше?

– Вы прекрасны, – Ладин покачал головой. – Скажите, а каково получить власть в четырнадцать?

– Мы справились, – сестра конунга опустила глаза в тарелку и начала сосредоточенно ковырять морковку.

Сын Хозяев Еруды мысленно укорил себя за длинный язык, с такой тактикой он ее точно не очарует. Ила, однако, быстро успокоилась, к концу ужина улыбалась и шутила над виленвийской неспешностью собеседника. Когда они вышли из трактира, солнце практически село. Людей вокруг не было, лишь изредка попадались одинокие прохожие. До холма, на котором стоял замок клана Рассвирепевшего вепря, оставалось полчаса спокойным шагом. Дорога уже начала подниматься в гору, когда Ила заметила, что никого рядом нет. Она испуганно огляделась вокруг. В кустах послышался шорох, и Ладин вывалился на дорогу. Он держал скрученным мужчину с изображением белки на правой руке. Тот попытался стукнуть Ладина, но виленвиец ушел от удара и еще сильнее скрутил противника. Пойманный фыркнул и взмолился.

– Госпожа, скажите ему, пусть отпустит.

Ила вопросительно посмотрела на подопечного. Тот пожал плечами.

– Шляется за нами целый день. Я сначала думал, показалось, но сейчас сомнений не осталось.

Женщина захихикала. Даже в сумраке были видны, веселые огоньки в ее глазах.

– Отпустите его. Это соглядатай Лари. Я про него забыла, так бы предупредила.

Сын Хозяев Еруды ослабил хватку.

– Если у вас такая бездарная охрана, то случиться может что угодно.

Ила махнула, и мужчина удалился. Она совершенно по-виленвийски взяла Ладина под руку.

– Я терпеть не могу охрану, но брат считает, что оставлять меня одну опасно. Этот малый – наша договоренность. Он, поверьте, не так уж плох. Я видела его в деле. А много охраны – глупости, в Усе со мной были двенадцать человек, не помогло.

– Как скажете, – Ладин вдохнул запах фиалок и украдкой прижался к Иле, он бы обнял ее, но побоялся спугнуть. Она или притворилась, или действительно ничего не заметила.

Оставшийся путь прошел без приключений. Ладин проводил Илу до ее комнаты и, заручившись обещанием встретиться с ней завтра после вечернего чая, удалился к себе. В его комнате на столе лежали два письма, видимо, секретарь приходил, пока виленвиец был в городе. Одно от отца – больше обеспокоенное, чем гневное: он интересовался здоровьем сына и сроками его возвращения домой. Второе – от Лари, с просьбой задержаться до праздника урожая. Конунг как раз собирался в Анак и с удовольствием подписал бы с гостем важные бумаги. Ладин прикинул: до праздника урожая оставалось восемь дней, можно и погостить немного.

Он ответил Илларию согласием. Написал отцу длинный подробный отчет о своих делах с обещанием вернуться в середине осени. Засыпая, он подумал: восемь дней – достаточный срок, чтобы заполучить в свою коллекцию Илу, женщину с внешностью покровительницы домашнего очага.

Всю следующую неделю Ладин чувствовал себя обманутым юношей. Он ухаживал за Илой в лучших традициях виленвийских кавалеров, но безрезультатно. Он видел, что нравится ей, замечал следы желания в ее глазах, но дальше пойти она не решалась. Поначалу Ладин злился на себя, Ила казалась легкой добычей, но потом сообразил: возможно, у нее есть возлюбленный, а в этом случае все усилия будут тщетны.

Женщина не обращала внимания на его мучения. Утро она проводила в госпитале, после обеда встречалась с Босахом, солидным господином с изображением черной лисы на правой руке. Босах, как понял виленвиец, ведал мирной частью жизни Краны. Затем приходили учителя музыки или танцев. На подопечного оставалось время лишь после вечернего чая.

Ладин оказался сильнодействующим лекарством от воспоминаний, и Ила стала замечать побочные эффекты. К концу недели она поймала себя на мысли, что с удовольствием бы отменила все занятия и провела целый день с виленвийцем. Именно поэтому, когда в госпитале оказалось недостаточно дел, она ушла раньше в надежде поболтать с ним немного.

Утром Ладин отправился в город, забежал к цирюльнику, постригся, пошатался по рынку, купил безделушек сестрам и матери. Даже поучаствовал в одном из конкурсов на ярмарке и выиграл куклу, он подарил ее девчушке, которая с родителями гуляла неподалеку. Отнес свои покупки секретарю и в отличном расположении духа отправился в замок клана Вепрей.

Ила встретила его, когда он остановился рассмотреть статую покровителя клана Черной лисицы. Изваяние завораживало: то ли лисица, то ли могущественный лесной дух, случайно забредший в чужое тело. Насыщенно-черное, первым порывом было потрогать ее, проверить, точно ли она из дерева. Глаза лисицы – два больших, ловко закрепленных в дереве мрачно-зеленых хризолита хищно смотрели прямо в душу. На ухе статуи была выщерблена, похоже, что от меча, но это делало ее еще величественней.

Иллария поздоровалась. Ладин улыбнулся.

– Рад видеть вас, Ила. Великолепная статуя.

– Да, – женщина кивнула. – Очень люблю ее. Жаль, торейцы и ей шкурку подпортили, но она все равно чудесна.

Виленвиец снова взглянул на статую, ему казалось, вот-вот – и она ускользнет от него. Потом он посмотрел на Илу. Как же та хороша. Именно сейчас, когда улыбается, когда появились морщинки около губ и глаза собрали все лукавство мира.

– А как сюда добрались торейцы? Или ее охраняли так же, как и вас?

Собеседница пропустила сарказм мимо ушей. Закусила губу, раздумывая, достоин ли он услышать подробности.

– Это память о том дне, когда я первый раз не вышла замуж.

Мужчина засмеялся.

– Обычно женщины вспоминают о том, как они выходили замуж.

– Это те, кто в браке, – махнула рукой Ила. – А такие, как я, вспоминают, что есть.

– Расскажите, жутко интересно.

Она подняла глаза к небу: солнце скрылось за тучкой, облака равнодушно тащились по своим делам.

– Скавар просил моей руки для третьего сына, Дорака. Из всех его сыновей он был самым противным, но мы с Лари согласились на брак, нам нужен был союз с Тору. Назначили день свадьбы. Сначала приехали эти их «бабки», которые проверяли, девственница ли я. Хуже ничего в моей жизни не было. Потом появился женишок и стал требовать своего до свадьбы, говорил,

в первую брачную ночь мы будем в дороге и не сможем скрепить наш брак. Брат отослал его до церемонии. Уже тогда Дорак наговорил Лари глупостей, подозреваю, если бы не я, брат прикончил бы его сразу. На следующий день чествовали покровителя клана Черной лисицы. Брат хотел воздать Босаху за заслуги и преподнес ему это изваяние. Мой жених и тут отличился. Сказав, что хочет испытать свое новое оружие, он со всей силы замахнулся на статую мечом. Лари проткнул его горло раньше, чем его меч натворил дел. Торейцы не стали протестовать. В конце концов, справедливость была на нашей стороне, даже чужих богов не беспокоят без достаточного повода. Скавар стал еще злее и при случае напоминает, что мы с братом должны ему сына. Впрочем, со Скаваром у нас полно неоплаченных счетов с обеих сторон.

Ладин поморщился.

– У нас тоже. Но мне гораздо интереснее услышать о вас, расскажите, как не вышли замуж в следующий раз…

– Поверьте, ничего любопытного в этих историях нет, – Ила вздохнула. – И поучительного тоже. Пойдемте, я лучше покажу вам статую покровителя клана Черного Ворона того же мастера, она не хуже этой. Как раз успеем до обеда, если срежем. Идти там не очень удобно, но зато быстро.

Ила повлекла виленвийца к подножию холма. Он, хоть и вышагивал покорно следом, сдаваться не собирался.

– Так почему вы им отказывали? Вы противница брака?

Ила остановилась и заглянула ему в глаза. Прохладный ветерок загнал кудрявые прядки на ее щеки, и она решительно заправила волосы за уши.

– Я не противник брака. Брак, особенно счастливый, – это великолепно. Только в этой сказке о замужестве я предмет торга, вещь, и как всякой вещи, мне хочется быть вещью удачно проданной. Думаю, вы понимаете, в вашей семье, вероятно, происходит нечто подобное.

– Да.

Ветер принес горьковатый запах осенних цветов. Ладин повел носом, захотелось сменить аромат на благоухание фиалок. Он сделал шаг вперед и глубоко вдохнул. Ила была настолько близко, что фиалки затмили все остальное. Она посмотрела на него снизу вверх и еле слышно сказала:

– Вам, наверное, тысячу раз это говорили, но я повторюсь. У вас великолепные глаза. Как аквамарины, всегда разные, откуда ни посмотришь.

Руки Ладина скользнули по плечам Илы, ощупывая хрустящую ткань платья, и опустились на талию.

– А косичка как крысиный хвостик, – продолжила женщина, будто не заметив его прикосновений.

Сын Хозяев Еруды улыбнулся и наклонился к ее левому уху.

– Я разрешу вам расплести ее. После.

Ила обняла его за шею и нежно, еле осязаемо, коснулась губами его губ. Ладин ответил на поцелуй с жаром охотника, поймавшего, наконец, добычу. Добычу желанную и ловкую. Он целовал ее бесстыдно и требовательно, не оставляя без внимания ни один открытый кусочек тела. Илина теплая кожа пахла фиалками, и виленвиец, совсем забыв, что терпеть не может эти цветы, готов был утонуть в знакомом запахе. Женщина не осталась в долгу, одаривая его своей лаской, она наслаждалась предвкушением близости.

Сын Хозяев Еруды не жаловал занятий любовью в одежде, и сейчас, когда они собрались зайти дальше поцелуев, он проворно развязал шнурок корсажа Илы и принялся расстегивать многочисленные пуговицы платья. Она отстранилась, страсть в глазах уступила место страху. Ладин поспешил снова заключить ее в объятья.

– Считаешь, нужно найти уголок поукромней? – он улыбнулся и поцеловал ее в губы.

Ила не ответила на поцелуй, ее руки боролись с корсажем, пытаясь призвать шнурок к порядку.

– Мне надо идти. Простите ради всех богов и ваших, и моих.

Не отпуская ее от себя, Ладин прошептал обескураженно:

– Что я сделал не так? Подскажи, я тут же исправлюсь.

Она покачала головой, высвободилась из его объятий и зашагала назад, словно отступала перед врагом.

– Дело не в вас, а во мне. Еще раз простите.

Несостоявшаяся любовница завязала, наконец, шнурок и почти бегом устремилась прочь. Ладин не стал догонять ее. Он молча сел на землю и посмотрел в небо. У верхушек деревьев парила огромного размера статуя ворона. Широко раскинутые крылья охраняли покой мест, в которых он обитал. Виленвийцу показалось: птица смотрит на него с плохо скрываемой насмешкой.

Ила зашла в свою комнату, заперла дверь, спряталась в гардеробной и разревелась. Она плакала горько и навзрыд, до тех пор, пока не услышала, как часы отбивают время вечернего чая.

Глава пятая

Обедать в замок Ладин не пошел, отчего-то не хотелось видеть никого из его обитателей. Долго гулял по святилищу, рассматривал изваяния и силился понять, чем напугал Илу. С ним в жизни не случалось подобного, даже в юности. Его женщины никогда не шли на попятную, всегда получалось дойти до конца. А тут такая неудача! Все-таки надо поговорить с ней, выяснить, в чем дело, хотя бы на будущее.

Сын Хозяев Еруды пообедал в городе, и вернулся в замок как раз к окончанию вечернего чая. Вечером Ила всегда была свободна, и он надеялся встретиться с ней. В конце концов, даже если она не желает спать с ним, собеседницу терять не хотелось. В столовой Илы не оказалось, Глоса сказала, что она не приходила. Ладин заглянул в лабораторию, там тоже было пусто, только какая-то пузатая бутыль с высоким изогнутым горлышком пыхтела паром от бурлящей в ней жидкости. Оставалось два места: кабинет Иллария и спальня несостоявшейся любовницы. Ладин долго раздумывал, куда пойти сначала, но решил оставить спальню на сладкое и отправился к кабинету.

Уже на подходе он услышал голоса. Ила обсуждала с Босахом, как помочь пострадавшим от неурожая областям. Говорила больше она, Босах изредка задавал каверзные вопросы да указывал на невозможность осуществить задуманное. Не решаясь постучаться, Ладин недолго постоял у двери, вникая в разговор. Сестра конунга на редкость легко ориентировалась там, где виленвийцу приходилось прикладывать титанические усилия. Она рыбкой в воде обходила возможные препятствия, отыскивала решение сложных головоломок. В противостоянии с Босахом ее победа выглядела трудной, но безоговорочной. Ладин вспомнил отцовские тщетные попытки приучить его к мирной жизни. Сын Хозяев Еруды расстроился, он сам себе показался ничтожным лентяем-неумехой, который просто не имеет права даже приближаться к такой женщине, как Иллария. Он махнул рукой и отправился в свою комнату.

Ладин долго не мог заснуть, мысли о ключах от Еруды не давали ему покоя. Когда он взял в жены торейку, отец хоть и не одобрил его выбор, но возражать не стал. Хозяин Еруды всегда предпочитал словам действия. На следующий день после свадьбы сына родитель пригласил погостить в Еруду старшего наследника семейства Луттов, владельцев большей части каменоломен и угольных шахт Виленвии. Тот провел в Еруде чуть меньше трех месяцев, но этого хватило, чтобы одна из сестер Латер, стала его женой. Потом Хозяин Еруды провернул такой же трюк с Конами, собственниками текстильной промышленности страны. Отец тщательно отбирал кандидатов, местная знать охотно поддержала бы и Луттов, и Конов. Тем временем война с Тору перешла из вялотекущей в активное состояние. Тут Ладин преуспел, и отцу в своих планах пришлось считаться с тем, что каждый виленвиец знает, под чьим командованием армия добыла независимость. Хозяин Еруды изо всех сил старался научить сына управлять Виленвией в мирное время, но Ладину оказалось проще сбежать на другую войну, чем возиться с рутинными делами. Подслушав Илу, виленвиец осознал: получи он ключи от Еруды, с подобными вещами придется иметь дело постоянно.

На следующий день Ладин проснулся поздно. В замке царила суета: бегали слуги, кухня дымила и шумела, незнакомые люди шастали туда-сюда. Все готовились к празднику урожая. Виленвиец наскоро привел себя в порядок, оделся и вышел из комнаты. Завтрак закончился, столовая пустовала, зато в гостиной на диване, как на троне, сверкая лысиной, восседал Солак. Сын Хозяев Еруды обрадовался старому знакомому. После дежурных вопросов о здоровье огненнолисый поделился: он дожидается Илу, чтобы, как положено жениху и невесте, открыть праздник в отсутствие Лари. Ладин шутливо поинтересовался, не одолжит ли Солак ему невесту на пару танцев, кранец лишь пожал плечами: «Конечно, я все равно не протанцую сколько положено».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.